

УДК 1/14

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА ХАНСА-ГЕОРГА ГАДАМЕРА И ЕГО ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры этики и эстетики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: tetjuewl@mail.ru

Статья посвящена историко-философской реконструкции проблематики соотношения философской составляющей герменевтического понимания языка как мирооткрытия и опыта мира художественной репрезентации в искусстве. Содержание понятия опыта, представленного в художественном творчестве, и опыта постижения истины раскрывают сущность философского познания, превосходящего пределы и границы возможности научного знания. Искусство познания как созерцание истины задается непосредственно в диалогах философии идеализма Платона и прослеживается в современном понимании роли языка и искусства. Обращение к наследию Античности становится объединяющим основанием для современной интерпретации в герменевтике, не только задающей критику примата сциентизма в открытии безоговорочного знания, но и отрицающей однолинейный позитивистский историцизм. В этой перспективе критики языка особый статус приобретает эстетическое познание, способное к открытию глубинной взаимосвязи искусства и философии, раскрывающей подлинное бытие. Историко-философский анализ критики «эстетики сознания» выявляет язык как исходную точку в исследованиях феномена искусства в неокантианстве и герменевтической философии. Новый горизонт восприятия задается перепрочтением основной критики «эстетики сознания», осуществленной Х.-Г. Гадамером на основе восприятия идей П. Наторпа, что порождает необходимость теоретической рефлексии в современной философии языка.

Ключевые слова: философия языка, герменевтическая философия, искусство художественного опыта, эстетика.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-3-288-291

В своем главном фундаментальном труде «Истина и метод» Х.-Г. Гадамер (1900–2002) задается целью показать, что при всем различии между естествознанием и гуманитарными науками неоспоримое значение имеет метод критики, направленный на вскрытие «онтологических импликаций», содержащихся в «техническом самопознании науки Нового времени» [1, с. 622].

Уже в начале книги философ развивает идею критики «эстетического отличия», включающую в себя различие между субъективацией эстетики (эстетического сознания) в третьей «Критике» Канта и онтологией произведения искусства в ее герменевтическом значении. В понимании онтологического, первичного отношения человека к миру философ использует понятие опыта, связанного с самой природой и спецификой языка. Опыт постижения истины – важнейший вопрос философии, поскольку превышает область научной

методологии и при этом, как показал еще Кант, требует собственного обоснования.

Гадамер утверждает, что опыт познания и постижения мира лежит за пределами науки – он связан с опытом философии, с опытом искусства и истории. «Все это такие способы постижения, – пишет он во «Введении», – в которых возвещает о себе истина, не поддающаяся верификации методологическими средствами науки» [1, с. 39]. Наряду с опытом философствования опыт искусства обладает автономным измерением и своими собственными границами: «В опыте искусства мы имеем дело с истинами, решительно возвышающимися над сферой методического познания» [1, с. 40].

Для Гадамера искусство является видом познания, а произведение искусства выступает своего рода трансцендентальным условием приобщения к этому виду познания, преобразуя собой субъекта приобщения. Более того, непосредственная чувственно-созерцательная встреча с произведением искусства служит основанием эстетического опыта. В этом он усматривает далеко идущее герменевтическое следствие – «всякая встреча с языком искусства является встречей с незамкнутым событием и даже частью этого события» [1, с. 144]. Всякое произведение искусства являет себя всегда в форме собственного *Präsenz* – настоящего воспроизведения. «Одновременность» – условие, при котором произведение искусства обретает собственное существование, лежащее по ту сторону времени. Вопреки истории создания произведению искусства присуще измерение «абсолютного настоящего» (*absolute Gegenwartigkeit*): оно обладает собственной конкретной временностью и специфической актуальностью и тем самым сохраняет в себе момент критики понимания и возможность постоянного обновления опыта искусства. Оно открыто миру как «универсум смысла».

«И разве задача эстетики, – спрашивает философ, – не в том, чтобы обосновать то, что познание искусства – это тип познания своего рода, наверняка отличающийся от типа чувственного познания, которое поставляет науке конечные данные, на которых она строит познание природы, но также отличающийся и от нравственно-разум-

ного познания и вообще от всякого понятийного познания, оставаясь все же познанием, то есть опосредованием истины?» [1, с. 143].

В этом смысле становится понятным, почему философ настаивает на положении, что сфера познания должна быть понята шире, чем это понимается в новоевропейском наукоучении и позитивистской науке. Он считает, что вопрос М. Хайдеггера о бытии все же проясняет структуру существования «трансцендентальной аналитикой», изначальная форма которой представляет собой в-мире-бытие. Более того, хайдеггеровская постановка вопроса заостряет проблему на изначальной онтологической характеристике самой человеческой жизни. Как справедливо отмечает М. А. Богатов, поле эстетических предметов изначально конституировано трансцендентально [2, с. 110].

И уже в этом как ученик Хайдеггера Гадамер постоянно ощущает на себе влияние фундаментальной онтологии. И эта традиционная в интеллектуальной биографии философа точка зрения становится сегодня популярной. Однако великий проект герменевтической философии Гадамера включает в себя в своей систематике несколько явно заметных и определяемых исторически историко-философских источников.

Заметим, что уже тот факт, что Гадамер обращается к трансцендентальному идеализму Платона в «Истине и методе», свидетельствует о его критической позиции по отношению к «аналитике Dasein». Именно в этом главном труде, обосновывающем основы философской герменевтики, философ ориентируется на платоновский образец диалектики сократических бесед. Серьезный интерес к философии Платона у Гадамера проявляется в диссертации 1922 г. «Понятие удовольствия в диалогах Платона». Инициатором тематики и дискуссии о философии Платона выступил научный руководитель Гадамера марбургский профессор-неокантианец Пауль Наторп.

В 1903 г. Наторп издает «революционный» труд «Учение Платона об идеях. Введение в идеализм». Наторп обосновывает необходимость программы идеализма для современной философии. «Платоновское учение об идеях, – пишет неокантианец, – это рождение идеализма в истории человечества» [3, S. V]. Считается, что Наторп тем самым породил в философской среде дискуссию вокруг античной философии и задал «новое», неокантианское, понимание сути учения об идеях Платона. Наторповское исследование Платона Гадамер воспринимает первоначально как «эпохальное и истинное». Однако в работе «К вопросу о Платоне» (1977) он уже указывает на «неокантианскую ассимиляцию Платона в марбургской школе» (4, S. 307–308).

К моменту написания диссертации «Понятие удовольствия в диалогах Платона» у Гадамера была возможность выбора «собственного» Платона. Первый ученик Гадамера Жан Гронден, профессор университета Монреаля, указывает, что в дискуссиях о Платоне в тот момент сформировалось три исследовательских направления [5, р. 100–101]. Первое – философское: неокантианство в лице Наторпа воспринимало античного философа как представителя идеализма, а его учение как основу теории познания. Наторп понимает идеи Платона как законы чистой функции познания [3, S. 283]. Второе направление определялось характером историко-филологических работ Вернера Йегера [6, с. 147]. Третье представляли докторант Наторпа Х. Фридеман и К. Хильдебрант, которые поддерживали тесные связи с филологом-классиком Паулем Фридендером. Чтобы прояснить позицию Гадамера в этом вопросе, обратим внимание на его критику проблемного характера философии истории, предложенной В. Виндельбантом и завершенной Н. Гартманом, вторым неокантианским наставником Гадамера.

Суть критики Гадамера в том, что прогрессивистский, прямолинейный ход истории разрушает продуктивное восприятие специфики прошлого философии и оригинальности всей новоевропейской философии. Критика Гадамера выявляет слабость в подобном понимании истории философии, поскольку она затрудняет адекватное понимание платоновской формы философствования. Он считает, для такой формы историзации присуща односторонность идеализации современного опыта по отношению к традиции, находящейся на менее высоком теоретическом уровне.

Диалоги Сократа у Платона, наоборот, свидетельствуют об ограниченности собеседников, сосуществовании различных мнений и наличии ложных рассуждений. Для Гадамера опыт встречи с текстом становится основой герменевтического отношения к опыту и понимания универсального характера герменевтики. При этом следует учитывать, что в 1929 г. под руководством М. Хайдеггера он пишет работу по интерпретации диалектической этики Платона.

«Беседа» с традицией не только порождает диалог, но и создает условия для «доброжелательного» процесса поучения, лучше сказать, научения. «Беседа» является и основанием для взаимопонимания, и со-бытием в образовании новых смыслов, слов и понятий.

В «Истине и методе» Гадамер обращается к платоновскому диалогу и диалектике: он объясняет это поиском «некоей универсальной онтологической структуры», открытием «собственно диалектического движения, которое охватывает собой говорящих» [1, с. 548]. «...Спекулятивная

структура языка явила себя не как отображение неизменно-данного, но как обретение-языка, в котором возвещает о себе вся целостность смысла. Именно это и приблизило нас к античной диалектике, поскольку и в ней также имела место не методическая активность субъекта, но деяние самого дела, «претерпеваемое» мышлением» [1, с. 548]. Именно вслед за Платоном он заключает: «Бытие, которое может быть понято, есть язык» [1, с. 548]. Сам язык становится герменевтическим опытом мира и действительностью, интерпретативной схемой, задающий ориентацию в мире [7, с. 166–168].

А это значит, что для Гадамера язык является средой (Medium), в которой осуществляется герменевтический опыт и предстают в своей «исконной сопринадлежности» индивидуальная определенность смысла «Я» и мир как целостность смысла. Произведение искусства, как и текст и историческое событие, чей смысл требуется понять, не обладают в-себе-бытием, а существуют в каждом конкретном случае в многообразных способах бесконечной интерпретации и явленной презентации, в качестве представления как у Наторпа. Опыт искусства в понятийном осмыслении и прочтении его «смысла» всегда неисчерпаем.

Тем, что Гадамер понимает эстетическое познание как способ самопонимания, он обязан исходной посылке Пауля Наторпа, для которого понимание сущности эстетического возможно только в рамках философского познания. Особенность кантовского похода к эстетике объясняется тем, что эстетическое отношение определяется относительно его собственной философской системы априорных и трансцендентальных принципов познания [8, с. 126–127]. Примат практического разума и здесь продолжает действовать – речь идет о моральных основаниях эстетического суждения.

Обращение Гадамера к платоновской идее прекрасного в самом конце книги «Истина и метод» есть тоже своего рода свидетельство поиска «некоей универсальной структуры бытия» [1, с. 556]. На эти страницы исследователи редко заглядывают, проходят мимо идей метафизики прекрасного. Прекрасное «являет себя из себя самого, делает себя непосредственно очевидным в своем бытии» [1, с. 556]. Более того, утверждает Гадамер, в диалоге «Федр» Платон неслучайно решает вопрос об онтологической природе прекрасного как функции «посредничества между идеей и явлением».

Гадамер подытоживает: Платон сгущает идею прекрасного до «присутствующего», которое убедительнейшим образом принадлежит к самому бытию прекрасного. Красота – «отблеск чего-то неземного», присутствует в видимом, оставаясь сущностью иного порядка. Красота есть явление-влияние между чувственным и идеальным, есть про-явление и вы-светляющее-себя из себя само-

го во всей своей высшей определенности бытие. «...Прекрасное, – подчеркивает вслед за Платоном Гадамер, – это вообще способ явления благого, сущего, каким оно должно быть» [1, с. 557]. Герменевтический аспект настолько выглядит всеобъемлющим, что неизбежно включает в себя также и опыт прекрасного в природе и в искусстве, человеческом бытии. Герменевтика как искусство толкования и интерпретации произведения предполагает в качестве своей предварительной формы включенности эстетику. В статье «Эстетика и герменевтика» философ пишет, что эстетическая образность является лишь трансцендентальным условием представления как презентации того, что «произведение искусства могло нести в самом себе свой собственный смысл и нечто сообщать нам» [9, с. 258]. У произведения искусства есть всегда свое «собственное настоящее».

«Искусство, – подчеркивает он, – говорит с нами всего непосредственнее и дышит загадочной, охватывающей все наше существо доверительностью, словно тут вообще нет никаких пропастей и всякая встреча с произведениями искусства равнозначна нашей встрече с нами самими» [9, с. 256]. Однако проблема системы эстетики в герменевтике неизбежно превращается в проблему сущности искусства. Художественное произведение тем самым всегда принадлежит вневременному настоящему.

Как видим, философ изначально пытается выявить «средство», которое он обнаружил между платоновским учением о красоте и идеей универсальной герменевтики, подчеркивая тем самым собственный взгляд и личную позицию, продолжающую линию платонической традиции. Вопрос об истине искусства, поставленный философом в самом начале труда «Истина и метод», привел его в итоге к обоснованию герменевтики, в которой искусство и история объединились. Феномен языка и понимания в такой перспективе следует уже воспринимать как универсальную модель бытия и познания.

В 1992 г. Гадамер публикует статью «К феноменологии ритуала и языка», где вновь обращается к труду Наторпа «Учение Платона об идеях. Введение в идеализм». Для второго издания своей книги (1921) Наторп пишет «Послесловие», где указывает, что «подлинный и глубинный смысл» платоновского учения об идеях скрыт в языке, который занимал ключевую позицию. Как справедливо подмечает Юрген Штольценберг, обращение Гадамера к позднему Наторпу есть свидетельство нечто большего, чем просто «исторические реминисценции» [10, с. 169]. Это – косвенное указание на поиск некоего исходного основания философии в языке, который обнаруживается и в творчестве позднего Наторпа, и в гадамеровском проекте герменевтической философии.

Список литературы

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. 704 с.
2. Богатов М. А. Искусство бытия. М., 2008. 272 с.
3. Natorp P. *Platos Ideenlehre. Einführung in den Idealismus*. Leipzig, 1903. 596 S.
4. Gadamer H.-G. Zu Plato // Gadamer H.-G. *Gesammelte Werke* : in 9 Bd., Tübingen, 1993. Bd. 6. S. 306–309.
5. Grondin J. *Hans-Georg Gadamer : A Biography*. New Haven, 2003. 512 p.
6. Вишке М. Герменевтика, философия и этика : тенденции новейшей интерпретативной литературы произведений Х.-Г. Гадамера // Исследования по феноменологии и философской герменевтике. Минск, 2001. С. 146–153.
7. Соболева М. Е. Философия как «критика языка» в Германии. СПб., 2005. 412 с.
8. Тетюев Л. И. Эстетическое суждение и его значение в трансцендентальной систематике И. Канта // Философия Канта и основания практической философии / под общ. ред. В. Н. Белова, Л. И. Тетюева. Саратов, 2013. С. 126–133.
9. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. 368 с.
10. Штольценберг Ю. Герменевтика и последнее обоснование. Х.-Г. Гадамер и поздний Пауль Наторп // Иммануил Кант и актуальные проблемы современной проблемы современной философии : в 2 т. / под ред. В. Н. Белова, Л. И. Тетюева. М., 2008. Т. 2. С. 168–178.

Образец для цитирования:

Тетюев Л. И. Философия языка Ханса-Георга Гадамера и его опыт интерпретации произведения искусства // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 288–291. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-3-288-291.

Philosophy of Language of Hans-Georg Gadamer and the Experience of Interpreting Works of Art

L. I. Tetyuev

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., 410012, Saratov, Russia
E-mail: tetjuev@mail.ru

The article is devoted to the historical-philosophical reconstruction of the subject on the correlation of the philosophical component of the hermeneutic understanding of language as experience the world of artistic representation in art The concept of the experience represented in art, and experience of understanding the truth reveal the essence of philosophical knowledge, surpassing the limits and boundaries of scientific knowledge. The art of cognition as contemplation of truth is set directly in the dialogues of the philosophy of idealism of Plato, and is traceable in the modern understanding of the role of language and art. An appeal to the heritage of antiquity becomes the unifying basis for modern interpretation in hermeneutics, defines criticism not only of the primacy of scientism in the opening of the unconditional knowledge, but denying the single-positivist historicism. In this perspective, the criticism of the language a special status gets aesthetic cognition is capable of opening the deep relationship of art and philosophy, which reveal the true being. Historical-philosophical analysis of criticism «aesthetics of consciousness» reveals language as a starting point in studies of the phenomenon of art in neo-Kantianism and hermeneutics philosophy. A new horizon of perception is given by p interpretation the criticism of «aesthetics of consciousness», carried out by H.-G. Gadamer based on the perception of the ideas of Paul Natorp, that generates the need for theoretical reflection in modern philosophy of language.

Keywords: language philosophy, hermeneutic philosophy, aesthetics, experience of interpreting works of art.

Referens

1. Gadamer H.-G. *Istina i metod. Osnovy filosofskoy ger-meneviki* [Truth and Method. Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Moscow, 1988. 704 p. (in Russian).
2. Bogatov M. A. *Iskusstvo bytiya* [The Art of Being]. Moscow, 2008. 272 p. (in Russian).
3. Natorp P. *Platos Ideenlehre. Einführung in den Idealismus* [Plato's Idea. Introduction to the Idealism]. Leipzig, 1903. 596 S.
4. Gadamer H.-G. Zu Plato. In: Gadamer H.-G. *Gesammelte Werke* : in 9 Bd. [Collected works: in 9 vol.], Tübingen, 1998, vol. 6, pp. 306–309.
5. Grondin J. *Hans-Georg Gadamer: A Biography*. New Haven, 2003. 512 p.
6. Wischke M. Germenevтика, filosofiya i etika: tendentsii noveyshey interpretativnoy literatury proizvedeniy G.-G. Gadamera [Hermeneutics, philosophy and ethics: the latest trends in interpretive literature, the works of H.-G. Gadamer]. In: *Issledovaniya po fenomenologii i filosofskoy ger-menevike* [Studies in Phenomenology and Philosophical Hermeneutics]. Minsk, 2001. pp. 146–153.
7. Soboleva M. E. *Filosofiya kak «kritika yazyka» v Germanii* [Philosophy as a «critique of language» in Germany]. St. Petersburg, 2005. 412 p. (in Russian).
8. Tetyuev L. I. Esteticheskoe suzhenie i ego znachenie v transsentsionalnoy sistematike I. Kanta [Aesthetic judgment and its transcendental importance in the systematics of I. Kant]. In: *Filosofiya Kanta i osnovaniya prakticheskoy filosofii* [Philosophy of Kant and the Foundation of Practical Philosophy]. Ed. by V. N. Belov, L. I. Tetyuev. Saratov, 2013, pp. 126–133 (in Russian).
9. Gadamer H.-G. *Aktualnost prekrasnogo* [The Relevance of The Bautiful]. Moscow, 1991. 368 p. (in Russian).
10. Stolzenberg Jü. Germenevтика i poslednee obosnovanie. G.-G. Gadamer i pozdny Paul Natorp [Hermeneutics and recent justification. H.-G. Gadamer and the late Paul Natorp]. In: *Immanuel Kant i aktualnye problemy sovremennoy filosofii*: v 2 t. [Immanuel Kant and Actual Problems of Modern Philosophy]. Ed. by V. N. Belov, L. I. Tetyuev. Moscow, 2008, vol. 2, pp. 168–178 (in Russian).

Cite this article as:

Tetyuev L. I. Philosophy of Language of Hans-Georg Gadamer and the Experience of Interpreting Works of Art. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 288–291. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-3-288-291.